

ЯЗЫКИ, ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA**ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ
В СУДЬБАХ АБАЗИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ:
МИКАЭЛЬ ЧИКАТУЕВ, МИРА ТЛЯБИЧЕВА, КЕРИМ МХЦЕ****П.К. Чекалов**

Изучение биографии творческого лица является самостоятельной и самодостаточной литературоведческой проблемой. Особое внимание в этом плане заслуживают периоды интенсивного формирования творческой личности, как правило, выпадающие на время учебы, обретения основных профессиональных навыков. Для многих абазинских авторов такой школой выступил Литературный институт имени М. Горького, «крупнейшее в России и одно из самых значительных в мире литературных учебных заведений» [5]. Статья посвящена изучению истории обучения в этом учебном заведении и его роли в процессе личностного и творческого становления трех писателей, внесших значительный вклад в развитие абазинской литературы второй половины XX века.

Микаэль Хаджиевич Чикатуев

5 июня 2006 г. по просьбе Карачаево-Черкесского республиканского музея М.Х. Чикатуев (1938-2014) подготовил творческую автобиографию, которая впоследствии была воспроизведена в сборнике избранных переводных произведений «Поющее сердце» (Москва, 2010). Автор выделил и описал наиболее важные, узловые моменты своей жизни.

По воспоминаниям поэта, в марте 1956 г., будучи студентом первого курса Ставропольского педагогического института, он с помощью Владимира Гнеушева, руководителя литобъединения при газете «Молодой ленинец», и Игоря Романова, студента-старшекурсника, подготовил подстрочные переводы своих стихотворений и отправил на творческий конкурс в Литературный институт. Дальнейшие события в автобиографии описываются так:

«Прошли месяцы. Мы окончили первый курс. И нас, студентов-второкурсников, уже послали (сразу после сдачи экзаменов!) на уборку сена в совхоз «Темижбекский» <...>. Помню хорошо: 20 июня мы уже были в совхозе, уже убирали сено, скошенное конными косилками. Ровное, большое поле. Я сижу на пружинистом сиденье конных грабель и весело убираю сено, кладу его ровными, параллельными рядами-валками. <...> И я на этих конных граблях поработал ровно месяц – до 20 июля. А 20 июля, – кажется, около 10 часов, – ко мне с криками подбежали мои однокурсники – мои друзья Саша Лагунов и Владик Останкович. Лица у них были очень радостные – значит, принесли хорошую весть! Остановил я коней своих и весело спрыгнул с пружинистого сиденья моих грабель!

– Миша! Миша! – кричали они оба разом. – Тебе надо ехать в Ставрополь, в деканат. Ты прошёл творческий конкурс в Литинституте и 27 июля тебе надо быть в Москве!» [8, с. 477].

В тот же день, не теряя ни минуты, Микаэль добрался до Ставрополя, а оттуда – в родной аул Инжич-Чукун, поделился радостной вестью с мамой. Та выслушала известие, продала телку, вручила сыну двести рублей и напутствовала в дорогу.

27 июля, как и было велено, Чикатуев уже сидел в одной из аудиторий Литинститута перед поэтом Александром Коваленковым, проводившим собеседование. Собеседование – обязательная форма испытания для поступающих, своеобразный второй тур после творческого конкурса, на котором определяется уровень образованности абитуриента, наличие в нем литературных способностей. После беседы преподаватель (А.А. Коваленков являлся одним из руководителей семинара поэзии в Литинституте) свое мнение передавал на кафедру творчества в письменной форме. Как впоследствии установил Чикатуев, впечатление Коваленкова о нем уместилось в несколько строк: «Серьёзный, вдумчивый горец; сразу видно: светится в нём искра поэзии; любит Кавказ Пушкина и Лермонтова. Прочитал даже самого Льва Толстого! Интересно говорил о «Хаджи Мурате». Думаю, будет толк» [8, с. 480].

Там же, на кафедре творчества, Чикатуев познакомился и с положительными отзывами на присланные им на творческий конкурс стихами. Их авторами были поэты Василий Журавлев и Степан Щипачев. Второй эксперт завершил свою рецензию категорической рекомендацией: «Принять Микаэля Чикатуева в Литинститут непременно!»

«И эту фразу Степан Петрович подчеркнул красным карандашом дважды...», – отмечал поэт в воспоминаниях [8, с. 480].

После собеседования шли уже традиционные вступительные экзамены, с которыми абитуриент справился, и он был зачислен на первый курс.

Немаловажной представляется такая подробность: в тот год свои произведения на творческий конкурс подали 3000 человек, из них его прошли лишь 116, а после экзаменов отсеялись еще 86 и осталось всего 30. **«30 человек – это постоянное число студентов, которые зачисляются в Литинститут в год. Всего 30 со всего Советского Союза!** И мне, юноше из абазинского горного селенья, посчастливилось попасть в это маленькое заветное число – **и первым в истории Карачаево-Черкесии!** Я, конечно, был горд и счастлив! И старался, очень старался, чтобы не отстать от остальных 29, учиться хорошо. Ведь я был посланцем не только моего маленького абазинского народа, но и всей Карачаево-Черкесии!» [8, с. 481].

Здесь прервем конспектирование автобиографии Чикатуева и обратимся к документам личного и учебного дела, хранящегося в архиве Литературного института. Изучение содержания этой папки позволяет более детально осветить историю прохождения начинающего абазинского стихотворца в один из самых престижных вузов страны, расширить и дополнить сведения о нем, поэтапно проследить переход из Ставропольского пединститута в Литературный институт. Нужно отметить, что этому предшествовала непростая процедура.

Во-первых, Чикатуеву нужно было обратиться с заявлением в бюро литературного объединения Черкесии для получения рекомендации, и он это

сделал в начале весны 1956 года. 21 марта состоялось заседание бюро с участием Х.Х. Гашокова, Ф.А. Абдулжалилова, И.А. Атмакина, А.Н. Охтова, К.С.-Г. Джегутанова, на котором было рассмотрено заявление и вынесено постановление:

«Просить Ставропольское Краевое отделение Союза Советских писателей войти с ходатайством в секретариат Союза Советских писателей СССР о рекомендации в Литературный институт им. Горького при Союзе Советских писателей СССР абазинского начинающего поэта тов. Чикатуева Михаила¹ Хаджиевича, 1938 года рождения, абазина, члена ВЛКСМ с 1949 года, образования 10 кл., члена литературной группы при редакции областной газеты «Социалистическа Черкесия», работающего в области поэзии с 1951 года, имеющего около 50 стихотворений.

Обязать руководителя литературной группы при редакции областной газеты «Социалистическа Черкесия», члена бюро литобъединения т. Джегутанова К. дать т. Чикатуеву рекомендацию для поступления в Литературный институт им. Горького при Союзе Советских писателей СССР» [1, л. 8].

Под протоколом стояла подпись руководителя литобъединения Х.Х. Гашокова.

В личном деле студента Чикатуева наличествует и рекомендация К. Джегутанова, написанная от имени литературной группы при абазинской национальной газете:

«Михаил Чикатуев с 1952 года является активным членом данной литературной группы. За это время на страницах областной газеты, а также в коллективных абазинских сборниках, выпускаемых Черкесским книжным издательством, напечатано около 50 стихотворений.

В своих стихотворениях М. Чикатуев стремится раскрывать сущность жизненных явлений художественными средствами. В его еще не установившемся творческом почерке чувствуется самобытность, своеобразие таланта молодого поэта. Несомненно, что т. Чикатуев обладает необходимыми данными для того, чтобы стать настоящим литератором.

М. Чикатуев постоянно повышает свои знания – учится, повышает свое поэтическое мастерство. В настоящее время он является студентом первого курса Ставропольского педагогического института.

Литературная группа считает, что М. Чикатуеву необходимо продолжить учебу в стенах института им. Горького, так как свое жизненное призвание он находит в литературе.

Литературная группа единодушно рекомендует М. Чикатуева в Литературный институт им. Горького» [1, л. 7].

Дата в документе не проставлена, но можно предположить, что он был подготовлен в ближайшие после проведения заседания бюро литературного объединения дни, т. е. в 20-х числах марта 1956 г.

¹ Во всех документах личного и учебного дела Чикатуева, включая студенческий билет, зачетную книжку и диплом об окончании института, имя его воспроизводится как Михаил. По этому поводу во время беседы 12.01.93 г. поэт сказал, что в паспорте имя его обозначено было как Михаил.

В сопроводительном письме на имя директора Литинститута, подписанном ответственным секретарем краевого отделения ССП В.И. Туренской, сообщалось:

«Направляем Вам заявление Чикатуева Михаила Хаджиевича, молодого абазинского поэта, его стихи, переводы и подстрочники его стихов.

Просим допустить его к творческому конкурсу.

Чикатуев очень много и упорно работает, по рекомендации Черкесского литературного объединения является способным и обещающим поэтом, активно участвует Чикатуев и в литературной группе краевой молодежной газеты «Молодой ленинец».

В молодой абазинской литературе нет ни одного автора, окончившего Литературный институт.

Прием Чикатуева в институт поможет абазинским литераторам в целом» [1, л. 6].

Письмо было составлено 2 апреля. Таким образом, не в марте, как об этом сообщается в автобиографии, а в начале апреля 1956 г. документы Чикатуева были отправлены в Литературный институт.

Определенный интерес в плане стилистики представляет текст заявления абитуриента:

«Прошу Вас иметь в виду, что я имею большое желание учиться на основном отделении (подчеркнуто М. Чикатуевым. – П.Ч.) Вашего института.

Я окончил первый курс. Жду Вашего положительного извещения.

Еще посылаю Вам добавление уже присланных стихов. Прошу тоже иметь в виду» [1, л. 2].

Заявление в приемную комиссию датировано 30 июня и, по всей вероятности, досылалось к тому пакету документов, который был отправлен в Москву ранее. Еще не известен был результат творческого конкурса, но, тем не менее, уже твердо заявлялось и даже подчеркивалось намерение учиться именно на основном отделении: сама манера письма как бы не допускала иного варианта. Помимо того, напористость характера заявителя, его наставительный тон прорывалось в дважды использованной фразе «прошу иметь в виду». Показательно и то, что абитуриент ждал только «положительного извещения»...

25 июля, уже находясь в Москве, Чикатуев написал заявление на имя директора с просьбой о приеме его в институт. К нему прилагались фотографии размером 3x4, свидетельство о рождении, справка о состоянии здоровья, автобиография, аттестат о среднем образовании, сведения об успеваемости в пединституте (зачетная книжка), характеристика с места учебы. В последнем документе, напечатанном на фирменном бланке Ставропольского пединститута, подписанном ректором Чебоксаровым и деканом историко-филологического факультета Поздняевой, скупно сообщалось, что «к учебе тов. Чикатуев М.Х. относится серьезно, учится хорошо, дисциплинирован, принимает активное участие в общественной жизни института» [1, л. 9].

Кстати сказать, за один только год в стенах пединститута Микаэль Хаджиевич сдал 10 экзаменов (на «хорошо» и «отлично») и 10 зачетов [1, л. 10].

Автобиография была написана на четырех тетрадных страницах, и в самом начале указывалась дата рождения: **7 марта** 1938 года. Она же была зафиксирована и в «Личной карточке студента». Значительно позднее день рождения Чикатуева по неизвестным причинам была изменена на **3 мая** 1938 г.

Для представления стилевой манеры стихотворца воспроизведем фрагмент из автобиографии:

«Я опознал себя в 1943 году, после освобождения родного края от фашистов.

В мае 1944 года мой отец, Чикатуев Хаджи Исхакович, после трехлетней болезни скончался 79-летним стариком.

В 1945 году я поступил в первый класс.

Шли тяжелые послевоенные годы...

Мы жили впроголодь. Люди за дешевые [продукты] продавали свое имущество, а у нас ничего не было. Чтобы заработать себе и семье кусок хлеба, я наполовину учился, наполовину работал – пас овец в заготконторе.

«Если бросить камень, то он попадет на обездоленного мальчугана – так их много», – говорили у нас в народе о таких, как я.

Хотя мы не видели тяжелых капиталистических дней царизма, но и нам досталась грязь, брошенная рукою подлого Гитлера на весь человеческий мир.

Отгремели черные дни...

Снова над нашими родными горами встало Советское Коммунистическое Солнце, одетое в новое платье <...>. Снова я услышал любимые песни: «Широка страна моя родная», «Одинокая гармонь», «Сулико», «Цвети Черкесия родная» и многие другие.

1949 год... Этот год особенно светел моему сердцу – будучи учеником 4 класса, я вступил в ряды ленинского комсомола.

Перед моими глазами очень рано, зримо и ощутимо проходят легендарные герои нашей славной ленинской молодежи: бесстрашные молодогвардейцы Краснодона, юная Зоя-партизанка, легендарный Александр Матросов, славная дочь черкесского народа, партизанка-комсомолка Зурят Тлисова и многие-многие другие...» [1, л. 4-5].

Текст страдает излишней пафосностью, не характерной для жанра автобиографии, сочетанием разностилевой лексики, использованием стершихся литературно-публицистических штампов, желанием выразиться выпендренно там, где в этом никакой необходимости не было... Эти недочеты объяснялись, как мы можем предположить, не высоким еще уровнем речевой культуры молодого абазина, недостаточной развитостью эстетического вкуса, превратным представлением о красоте и изысканности слога. И Литературный институт явился для Чикатуева прекрасной школой обретения многих навыков и умений, необходимых для творческой работы.

Вступительные экзамены проходили в начале августа: сочинение – 1-го, русский язык (устно) – 3-го, русская литература (устно) – 3-го, история СССР –

8-го, география – 10-го. Четыре из пяти экзаменов абитуриент-абазин сдал на «хорошо», а сочинение – на «удовлетворительно» [1, л. 12]. С такими оценками он прошел конкурс и стал студентом уникального в своем роде института. Приказ о зачислении вышел 24 августа:

«В соответствии с результатами творческого конкурса и приемных экзаменов ЗАЧИСЛИТЬ на 1-й курс основного отделения Литературного института имени А.М. Горького:

г/ семинар поэзии

12. ЧИКАТУЕВА Михаила Хаджиевича» [1, л. 13].

13 сентября ему выдали студенческий билет № 56026, тем же днем и под тем же номером ему оформили зачетную книжку, и началась студенческая жизнь.

Так как у Литературного института тогда не было своего общежития, Литфонд СССР арендовал у московских писателей их дачи в Подмосковье (Переделкино) и поселял туда студентов. Когда же они завершали учебный год и разъезжались на каникулы и практику, писатели занимали свои дачи на летние месяцы.

Первые два года Чикатуев вместе с абхазами Алексеем Гогуа и Володей Анкваб жили на даче Панфёрова. По утрам студентов увозили в Москву на занятия двумя большими автобусами, а после занятий привозили обратно. А когда по четвергам устраивались встречи с известными писателями, композиторами, художниками, артистами, автобусы дожидались их до окончания мероприятия.

«Встречи были очень интересны, – вспоминал Микаэль Хаджиевич. – Даже студенты, по каким-то причинам пропустившие в этот день занятия, обязательно приходили на эти встречи! Интересно же было послушать Шолохова, Твардовского, Эренбурга, Всеволода Иванова, Паустовского, Бориса Чиркова, Семёна Липкина и многих-многих других! Беседы эти – чисто творческие, откровенные, очень доверительные – много давали студенту Литинститута, я бы сказал, зажигали и пробуждали в нём какой-то особенный внутренний свет на всю жизнь!» [8, с. 482].

Потом, когда в мае 1958 года Литфонд построил семиэтажное общежитие по улице Добролюбова в Москве, студентов перевели туда и по одному расселили в комнатах площадью 18 кв. м. «Таких условий не было даже у студентов МГУ», – подчеркивал Чикатуев [8, с. 482].

О творческой атмосфере, царившей здесь, поэт вспоминал так: «От зари до зари здание общежития напоминало – в буквальном смысле! – растревоженный улей. Из всех открытых окон сыпались поэтические слова, строки, стихи. А что творилось во всех семи длинных коридорах?! Тут же писались стихи, читались стихи, отвергались и принимались стихи – также шумно, открыто, воинственно, невзирая на лица! Единственный авторитет в Литинституте – хорошие, талантливые стихи!..» [8, с. 483].

Отдельно поэт останавливался и на своеобразии лекционных курсов: «В институте, помимо тех предметов, которые читаются на филфаках вузов, мы изучали такие предметы как *теория стиха, теория прозы, теория драмы;*

история всемирной музыки, история всемирной живописи, история всемирного театра; зачёты и экзамены мы сдавали, например, в Консерватории им. П.И. Чайковского, в Третьяковской галерее, в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, в Театральном музее им. Бахрушина. А Московский драматический театр им. Пушкина мы, студенты Литинститута, считали своим: мы ходили в этот театр <...> по студенческим билетам...» [8, с. 483].

Первую зимнюю сессию в декабре 1956 г. (6 зачетов и 3 экзамена) Чикатуев сдал не только хорошо, но и досрочно, за что ему был разрешен отпуск с 27 декабря по 25 января [1, л. 11]. И в дальнейшем он неоднократно брал творческие отпуска для работы над стихотворными произведениями: с 7 по 22 февраля 1958 г. [1, л. 17], с 17 по 21 ноября 1958 г. [1, л. 22], с 6 по 25 октября 1959 г. [1, л. 27], с 8 по 25 февраля 1960 г. [1, л. 29].

После первого курса два месяца (июль – август) Чикатуев проходил практику на строительстве жилого дома в Москве в качестве разнорабочего [1, л. 15]. Прохождение творческо-производственной практики в конце второго курса планировалось при многотиражной газете завода швейных машин города Подольска [1, л. 18], но по ходатайству абазинской литературной секции Карачаево-Черкесского областного отделения Союза писателей приказ был изменен, и Микаэль получил возможность практиковаться при редакции абазинской газеты «Коммунизм алашара» («Свет коммунизма») в Черкесске [1, л. 20]. На третьем курсе Чикатуев был направлен в газету «Комсомолец Кузбасса» города Кемерово [1, л. 23], а на четвертом прошел аж три практики: с 15 по 20 октября 1959 года в Воронеже [1, л. 25], с 22 по 31 января 1960 года в Ленинграде [1, л. 28], а уже летом того же 1960 года – снова в газете «Коммунизм алашара» (г. Черкесск) [1, л. 32].

Чикатуев был на хорошем счету у руководства института, о чем свидетельствует приказ № 206-а от 29 октября 1958 г., объявлявший ему благодарность за хорошую комсомольскую и общественную работу с занесением в личное дело [1, л. 21]. Сохранилась также характеристика от 6 апреля 1960 г., подготовленная для подписи директором института, секретарем партбюро и председателем профкома:

«Тов. Чикатуев Михаил Хаджиевич <...> учится в Литературном институте имени А.М. Горького с сентября 1956 по настоящее время на отделении поэзии.

Учится удовлетворительно. Творчески активен. Его произведения опубликованы в периодической печати в Карачаево-Черкесской автономной области.

Принимает активное участие в общественной работе. Был членом комитета ВЛКСМ и членом студкомитета общежития. За общественную активность отмечен благодарностью в приказе.

Рекомендуется для заграничной поездки в Эфиопию» [1, л. 30].

За время многочисленных встреч и бесед с Микаэлем Хаджиевичем он ни разу не упомянул о поездке в Эфиопию. Вероятно, администрация предполагала направить его в заграничную командировку, готовила документы, но по неизвестным причинам она не состоялась. По всей видимости, характеристика оказалась не востребовавшей и осталась не подписанной.

Всего за пять лет обучения в Литинституте Чикатуев сдал 58 зачетов и 31 экзамен. Из них 8 предметов – на «удовлетворительную» оценку, 19 – на «хорошо» и 3 – на «отлично». Помимо того, он выполнил и 9 марта 1961 г. защитил дипломную работу под названием «Мелодии Инжича» с оценкой «отлично», 6 июня выдержал государственный экзамен по русской и советской литературе на «хорошо», 20 июня – госэкзамен по диалектическому и историческому диалектизму – тоже на «хорошо». В тот же день решением государственной экзаменационной комиссии ему была присвоена квалификация литературного работника, а через 3 дня – 23 июня 1961 года вручен диплом № 514906 об окончании Литературного института.

1961 год оказался богат на события в личной и творческой жизни Микаэля Хаджиевича: вышел второй его сборник стихотворений «Мелодии Инжича», приступил к работе в Карачаево-Черкесском педагогическом институте, женился, родился первенец – сын Азамат... «Таким образом, 1961 год я считаю одним из самых счастливых в своей жизни», – подытоживал поэт повествование о своей студенческой жизни [4].

Мира Сахат-Гериевна Тлябичева

Тем же летом 1961 г., когда М.Х. Чикатуев оканчивал Литературный институт, туда же поступала М.С.-Г. Тлябичева (1942-2011). Символическая переключка: один абазин покидал престижный московский вуз, а другая представительница этого же народа переступала его порог...

Вообще привлекает внимание то обстоятельство, что Мира Сахат-Гериевна во многом повторила предысторию прохождения Чикатуева в институт им. Горького: как и он, после завершения учебы в аульской семилетней школе она перешла в областную школу-интернат в Черкесске (1957), получив аттестат о среднем образовании, определилась на филологический факультет Карачаево-Черкесского педагогического института (1960), а после первого курса (1961) поступила и продолжила обучение в Литературном институте...

И тут, как и в случае с Микаэлем Хаджиевичем, все оказалось не просто: для положительного решения вопроса понадобилось собрать несколько объективов и рекомендаций. Первая «школьная» характеристика, написанная красивым каллиграфическим почерком, представляла Миру-ученицу: что училась она на «4» и «5» и за хорошую успеваемость получала от педагогического коллектива благодарности и ценные подарки; увлекалась химией, принимала активное участие в работе исторического и литературного кружков, обладала скромным, трудолюбивым характером, показала себя надежным товарищем [2, л. 10].

Вторая «производственная» характеристика, выданная правлением колхоза, акцентировала внимание на работе Миры в ученической бригаде, где проявилась ее любовь и привязанность к сельскохозяйственному труду, честное и добросовестное отношение к работе, в результате чего звено добилось высоких производственных показателей: 100 центнеров кукурузы с одного

гектара. Отмечалась также дисциплинированность, требовательность Миры к себе и товарищам, активное участие в общественной жизни школы, чем снискала уважительное отношение к себе как членов ученической бригады, так и всех учащихся [2, л. 11].

«Комсомольская» характеристика из Карачаево-Черкесского педагогического института аттестовала Миру как активную комсомолку, участницу всех проводимых комитетом ВЛКСМ мероприятий. «Среди студентов-комсомольцев нашего института тов. ТЛЯБИЧЕВА отличается скромностью и исключительной вежливостью. Тов. ТЛЯБИЧЕВА постоянно занимается политическим самообразованием, учится отлично, пользуется заслуженным авторитетом и уважением товарищей, комсомольских взысканий не имеет» [2, л. 9].

Четвертый отзыв являлся наиболее содержательным и раскрывал личность стихотворца в творческом аспекте:

«Тлябичева Мира – одна из талантливых творцов молодой литературы, первая девушка-абазинка, которая пробует свои силы в области поэзии и прозы.

Еще ученицей восьмого класса областной национальной школы-интерната Мира принесла в редакцию областной газеты «Коммунизм алашара» свои короткие стихи. Они были посвящены Родине, родной школе, труду ученических бригад. Своеобразный детский юмор, детская искренность, простота – все сочеталось в коротеньких стихах. Но в них не хватало одного – мастерства. Литераторы указали недостатки в ее стихах, помогли разобраться в них. Девочка быстро улавливала все, что говорили старшие. С каждым приходом в редакцию она приносила более отточенные <...> стихи. Лучшие из них были опубликованы в газете. Так началось ее первое знакомство с читателями.

Стихи ее вошли в литературно-художественные сборники «Цветение весны» – 1958 год, «Пламя гор» – 1959 год, «Абазашта» – 1960 год.

Стихи Тлябичевой Миры своеобразны. Она имеет свой почерк, может уловить тонкости природы, свежесть событий, всегда подчеркивать и возвышать красоту человека, его труд и ум. <...> В последнее время писательница пробует свои силы и в области прозы. Ее короткие рассказы «Тарелка», «Индюк», «Подруга у доски» и другие глубоко раскрывают психологию детей, их жизнь, их мир. Автор неустанно ищет и находит новые образы, сравнения, удачно использует народную мудрость в своих произведениях.

Мира Тлябичева и по своему возрасту и по жизненному опыту очень молода, но, читая ее произведения, чувствуешь талант, обещающий много хорошего для абазинской литературы» [2, л. 5-6].

Отметим, что рецензия была написана руководителем абазинской секции областного отделения Союза писателей Б. Тхайцуховым, тоже молодым поэтом.

Среди документов подобного рода особняком стоит обращение областного комитета партии к секретарю правления Союза писателей СССР К.А. Федину и директору Литературного института Ю.Г. Лаптеву:

«Карачаево-Черкесский обком КПСС просит Вас поддержать рекомендуемую нами кандидатуру в Литературный институт им. А.М. Горького девушку-горянку ТЛЯБИЧЕВУ Миру Сахат-Гериевну. Она единственная горянка-абазинка, которая после окончания средней школы стала выступать на страницах областных газет и в сборниках со своими лирическими стихами и детскими рассказами в 1957 году.

В настоящее время Мира Тлябичева учится в Карачаево-Черкесском пединституте на втором курсе². Имея большое желание посвятить свою жизнь литературному творчеству, желает поступить в Литературный институт им. А.М. Горького.

Учитывая, что многонациональная Карачаево-Черкесская область еще не имеет ни одной студентки из девушек-горянок в Литинституте, просим Вас принять ее на учебу в Литературный институт вне конкурса при очередном наборе слушателей в 1961 году» [2, л. 8].

Письмо подписал второй секретарь Карачаево-Черкесского обкома КПСС Ш. Гошочков.

Изучая эти характеристики и рекомендации, невольно обращаешь внимание на то, сколько организаций было задействовано в том, чтобы всего один человек сумел перейти из одного вуза в другой! Удивляет готовность людей разных профилей отозваться, поддержать, оказать посильное содействие в подготовке профессиональных кадров для национальной литературы. Этот факт красноречиво свидетельствует о том, какое пристальное внимание уделяло советское общество вопросу развития региональных литератур. В современных условиях о такой заботе остается только мечтать.

Среди архивных материалов личного и учебного дела Тлябичевой хранится «Справка о произведениях писателя», куда рукой самой поэтессы вписаны первые ее публикации с 1957 по 60-е годы: всего 23 стихотворения и 2 рассказа [2, л. 7].

Экзаменационный лист позволяет восстановить, какие экзамены, в какие дни и на какие оценки были сданы: сочинение (письменно) – 4 августа: «удовлетворительно»; русский язык (устно) – 7 августа: «хорошо»; русская литература (устно) – 7 августа: «отлично»; история народов СССР (устно) – 9 августа: «отлично»; иностранный язык (устно) – 11 августа: «хорошо» [2, л. 13].

Приказ о зачислении в институт был издан 22 августа и гласил:

«На основании результатов творческого конкурса и вступительных экзаменов, ЗАЧИСЛИТЬ с 1 сентября с.г. на 1-й курс основного отделения следующих товарищей:

Поэзия

14. ТЛЯБИЧЕВУ М.С.-Г.» [2, л. 14].

За время обучения в Литературном институте студентке-абазинке была объявлена благодарность за активное участие в работе на Владыкинской плодовоовощной базе [2, л. 17], разрешен творческий отпуск с 30 марта по 3

² Ошибка: в мае 1961 г., когда готовилось данное обращение, М.С.-Г. Тлябичева училась на *первом* курсе КЧГПИ.

апреля 1964 г. [2, л. 18] и отпуск для санаторного лечения с 10 октября по 2 ноября 1964 г. [2, л. 20]. С 7 февраля по 1 июля (фактически – до конца июля) 1965 г. она проходила практику при Союзе писателей Карачаево-Черкесской автономной области [2, л. 21], после чего ей была выдана характеристика, подписанная редактором абазинской газеты Х. Жировым и зав. отделом культуры и быта Б. Тхайцуховым:

«Студентка Литературного института имени А.М. Горького Тлябичева Мира Сахатовна проходила практику при редакции областной газеты «Коммунизм алашара» с февраля по август месяц 1965 года. Молодая поэтесса в течение шести месяцев широко ознакомилась с журналистской работой и показала себя творчески способной, инициативной журналисткой.

Практику тов. Тлябичева проходила в отделе культуры и быта на должности литературной сотрудницы. За время практики Мира Тлябичева написала много статей, корреспонденций и очерков. Особое внимание заслуживают ее очерки «Молодость Старой Куввы», «На Зеленом острове», «Эльбурган». Эти очерки прошли под рубрикой «Аул и время» и были посвящены новому облику горских аулов. Автор собрал богатый материал о прошлом аулов Старо-Кувинска, Эльбургана, Инжич-Чукуна, города Черкесска и умело показал все то новое, что дала Советская власть горцам. Очерки получили одобрение в кругу журналистов, а редакция получила много теплых читательских откликов на них.

За время практики Мира Тлябичева научилась работать с рабселькоровскими письмами, самостоятельно оформлять газету. Ею были написаны три обзора на стихи молодых начинающих поэтов.

Практикантка показала себя дисциплинированной, исполнительской и пользовалась всеобщим уважением коллектива. За интересный репортаж «Домик в горах» приказом редактора газеты Мира Тлябичева получила благодарность» [2, л. 23].

Судя по зачетной книжке, училась Мира Сахат-Гериевна очень неровно. Так, зимнюю сессию первого курса она закрыла на «отлично», в летнюю из пяти дисциплин три она освоила на «хорошо», два – на «отлично». Первые два экзамена зимней сессии второго курса она прошла с хорошими отметками, а третий – посредственно. По всей вероятности, ей не хватило времени на подготовку, так как предыдущий экзамен она сдала 18 января 1963 г., а последний – на следующий день, 19 января.

Сходная картина повторилась и в летнюю сессию: показав хорошие знания на первом экзамене и отличные на втором и третьем, на четвертом она получила «удовлетворительную» оценку. Зачетная книжка позволяет установить, что последние два экзамена Мира сдавала в один и тот же день – 15 мая 1963 г., следовательно, времени на подготовку к самому последнему из них у нее не было вообще.

Самые низкие учебные показатели Тлябичева дала в летнюю сессию третьего курса (из пяти предметов четыре – на «удовлетворительно» и один – на «хорошо») и зимнюю сессию четвертого курса (из четырех предметов три – на «удовлетворительно» и один – на «хорошо»). Вероятно, это объясняется

неожиданным психологическим ударом: в 1964 г. скончался отец, и ей нужно было присутствовать и принимать участие в ритуале похорон, поминок и т.д. Именно этой ситуацией объясняется вынужденный творческий отпуск с 30 марта по 3 апреля, и санаторное лечение с 10 октября по 2 ноября 1964 г., о которых мы упоминали выше. Весь следующий семестр с 7 февраля по 31 июля 1965 г. она провела на практике при абазинской газете, в институт вернулась лишь к сентябрю, когда душевное равновесие восстановилось. В результате зимнюю сессию пятого курса Мира прошла с отличными знаниями, затем 31 марта 1966 г. защитила дипломную работу по теме «Белые облака» с оценкой «отлично», 4 июня выдержала государственный экзамен по русской и советской литературе («хорошо»), 21 июня – госэкзамен по марксистско-ленинской философии («отлично») и, таким образом, завершила полный курс обучения. Всего за студенческие годы ею было сдано 43 зачета и 32 экзамена: из них по 10-ти предметам были выставлены отличные оценки, по 12-ти – хорошие, еще по 10-ти – посредственные.

24 июня 1966 года вышел приказ, констатирующий факт окончания М.С.-Г. Тлябичевой Литературного института с присвоением квалификации «литературный работник» и выдачей диплома соответствующего образца [2, л. 24].

Мира Сахат-Гериевна вернулась на родину, поступила на работу в Карачаево-Черкесское книжное издательство старшим редактором и всю жизнь до выхода на пенсию трудилась в этом учреждении.

Керим Леонидович Мхце

Керим Леонидович (1949-2001) окончил школу-интернат в 1967 г., после неудачной попытки поступления в Карачаево-Черкесский педагогический институт несколько месяцев проработал на заводе Резиново-технических изделий в г. Черкесске, а затем был призван в ряды Вооруженных Сил.

Службу свою нес достойно, свидетельством чему являются присвоение звание сержанта, должности заместителя командира взвода, секретаря комсомольской организации роты, члена комитета комсомола воинской части. В апреле 1970 года был награжден медалью «За воинскую доблесть».

Приблизительно в это же время Керим решил и направился в приемную комиссию Литературного института. Сам поэт об этом вспоминал так:

«Мне повезло в одном: я служил в Московском военном округе, а на второй год меня перевели в часть, расположенную в самой Москве. И вот я чувствовал, что где-то здесь находится Литературный институт, в который я стремился всей душой. И то обстоятельство, что можно выйти из части, сесть в троллейбус или вагон метро и доехать до института, подбадривало и воодушевляло меня. И вот к концу службы я взял увольнительную и отнес свои стихи с подстрочным переводом на творческий конкурс Литинститута. Там такая система: прежде, чем сдавать вступительные экзамены, ты должен пройти творческий конкурс, состоящий из трех туров. В комиссии, как правило, сидят известные поэты, писатели, литературоведы. И только те, кто прошел этот

конкурс, допускаются к экзаменам. В год, когда я поступал, на одно место было подано свыше 200 заявлений. После первого тура мне сказали, чтобы я готовился к экзаменам. Прошел и следующие два тура. И вот через какое-то время в часть, где я служил, пришло извещение о том, что я прошел творческий конкурс. Теперь нужно было сдавать вступительные экзамены, и командование, благодаря тому, что я был не на плохом счету, пошло мне навстречу и разрешило принимать в них участие. Командир роты оставлял мне ключи от канцелярии, и ночью, после отбоя, я заново изучал нужный мне учебный материал. Через три года после школы, конечно, многое забывается. Тогда мы сдавали пять экзаменов: сочинение, русский язык, литературу, историю, иностранный язык. Я готовился добросовестно, и первые четыре сдал на «отлично». Я прямо в военной форме и ходил на экзамены. Остался последний – немецкий. Я начал повторять школьный курс, и тут меня взяло сомнение: одолею ли? До экзамена оставалось два – три дня, а я практически ничего не помню. Но вот и день последнего испытания настал. Я вошел. Мне дали текст для перевода. Смотрю на него – и ничего не смыслю. Мне дали словарь, сижу, листаю его... Ну не сидеть же целый день. Вызвали меня. Сел я и стал отвечать из рук вон плохо.

Экзамен принимали мужчина и женщина. Когда я закончил, мужчина взглянул на женщину и произнес: «Фир». Я забыл, что «фир» по-немецки «четыре», почему-то подумал «два» и побледнел. Женщина в ответ согласно кивнула: «Я, я» и стала заполнять экзаменационный лист. Я затаил дыхание и слежу за ее ручкой. Смотрю, она выводит «4». Я не мог поверить: как во сне... Встал и неуверенно пошел к двери...

Потом я понял: это были люди неравнодушные, участливые к чужой судьбе, и если они были в состоянии оказать кому-то помощь, они такой возможности не упускали. Так вот мне посчастливилось» [6, с. 70-71].

Таким образом, еще не сменив военную форму на гражданскую, Керим оказался студентом Литературного института им. А.М. Горького. Приказ о зачислении в институт вышел позднее: «На основании результатов творческого конкурса и вступительных экзаменов ЗАЧИСЛИТЬ с 1 сентября 1970 года на I курс дневного отделения следующих товарищей:

Поэзия

10. Мхце Керима Леонидовича.

ОСНОВАНИЕ: Решение Приемной комиссии Литературного института от 11 августа 1970 г.» [3, л. 1].

Окончание сдачи вступительных экзаменов совпало с увольнением в запас, и Керим с легким сердцем поехал домой, остаток лета провел в ауле и к началу учебного года вернулся в Москву уже в качестве студента.

Он был определен на семинар поэзии, которым руководил известный литературовед А.А. Михайлов, автор крупных монографий по творчеству В. Маяковского, он же преподавал ему литературное мастерство. Античную литературу вела профессор А.А. Тахо-Годи, зарубежную литературу 17 – 18 веков – профессор С.Д. Артамонов. Они тогда являлись авторами учебников, по которым обучались студенты филологических специальностей в вузах всей

страны. Советскую литературу преподавал проректор института по учебной и научной работе А.М. Галанов, основы театрального искусства – ректор В. Пименов, зарубежную литературу средних веков и эпохи Возрождения – В.А. Дынник, специализировавшаяся на провансальской лирике. На лекциях она читала стихи на французском языке и тут же приводила собственные переводы. Это не просто впечатляло, – восхищало!

Воздействовала и сама демократическая атмосфера, царившая в стенах института. «Сопоставлять интеллектуальный и культурный уровень преподавателей с нашим – смешно. Между нами была огромная разница, и при этом они обращались к нам, как к равным, уважительно, как бы советуясь. Для меня это имело большое значение, и потому я признателен им душой и сердцем до конца своих дней» [6, с. 72].

О руководителе поэтического семинара, Александре Алексеевиче Михайлове, Керим отзывался так: «Был человеком большой культуры. Семинары его были удивительны. Он очень много дал мне. Он, как из пластилина, вылепил из меня то, что я сейчас собой представляю. При всей эрудиции Александр Алексеевич был очень скромно. С 17 лет принимал участие в Отечественной войне, обе стороны груди были увешаны орденами и медалями. А мы ничего не знали, только на выпускном вечере и увидели. До сих пор интересуется нами, следит за своими питомцами. Когда меня приняли в Союз писателей, специально позвонил по телефону, чтобы поздравить, а я-то про него совсем забыл...» [6, с. 73].

Первую зимнюю сессию Керим сдал довольно слабо: две «четверки» (новая и новейшая история, древнерусская литература) и две «тройки» (античная литература, введение в языкознание). Следующую, летнюю, – значительно лучше: введение в литературоведение, русскую литературу 18 века, зарубежную литературу средних веков и эпохи Возрождения – на «отлично», а историю СССР и современный русский язык – на «хорошо». И далее экзаменационные отметки держались на этом же уровне, хотя изредка в зачетную книжку пробирались и «удовлетворительные» оценки.

В феврале 1971-го исполнился год, как Керим еще в армии стал кандидатом в члены КПСС. И вот по истечении испытательного срока в стенах Литинститута он был принят в партию. Уже со второго курса он входил в состав партбюро института, являлся секретарем студпрофкома [3, л. 6].

К концу первого курса Кериму была дана письменная характеристика, подписанная партгором, профгором и старостой группы: «Мхце К.Л., член КПСС, за время учебы в институте зарекомендовал себя серьезным, добросовестным студентом, к учебному процессу относится ответственно, активно участвует в работе семинаров и практических занятий. Много читает, аналитически следит за событиями в жизни страны, интересуется жизнью трудящихся зарубежных стран. Активно участвует в жизни коллектива, является членом Стипендиальной комиссии, членом народной дружины. В быту скромно, морально устойчив. 12.5.71» [3, л. 4].

Тогда же отзыв на своего студента написал руководитель семинара А.А. Михайлов: «Несмотря на свою молодость (ему 22 года) Керим Мхце издал

две небольших книжечки стихов на абазинском языке. К поэзии относится серьезно. Его недостаток в том, что он рано «помудрел», очень хочет казаться старше своих лет, боится выразить себя молодого, страстного, сегодняшнего. К этому я и призываю Керима. А все остальное у него есть. Доверие к себе и к темам современности может вывести его на большую дорогу поэзии. Заслуживает перевода на 2-й курс. 20.05.71» [3, л. 5].

Такой же отзыв Михайлов дал Кериму и после окончания им второго курса: «Серьезный студент. Кажется даже несколько замкнутый в себе, редко выступает на семинарских занятиях, только – по поручению. По сравнению с прошлым годом заметно некоторое движение по преодолению традиционности, локальности, образной и тематической ограниченности. Шаги в этом направлении сделаны еще робкие, но обдуманые. Пытается переводить на русский язык свои стихи и стихи товарищей. Речь идет о художественных переводах. Пока оценивать их воздержусь. Заслуживает перевода на 3 курс. 11.05.72» [3, л. 7].

На третьем году обучения Керим написал курсовую работу по теме «Традиция и современность в творчестве абазинского поэта Микаэля Чикатуева». Рецензируя ее, проректор по учебной и научной работе А.М. Галанов писал: «Это очень добросовестная и искренняя работа, содержащая немало серьезной информации относительно проблем, какие стоят перед абазинской литературой да и, видимо, перед литературами других малых народов. К. Мхце откровенно пишет о своих тревогах насчет судеб родного языка и судеб своей литературы, которая возникла лишь в советское время и которой, как он пишет, надо совершить почти невероятное – за кратчайший срок догнать литературы других народов. В рассуждениях автора немало спорного или же прямолинейного, и все же его тревоги и опасения, видимо, основательны, и о том ему было подробно сказано, когда была беседа о достоинствах и недостатках этой его работы. Приятно отметить хорошие, уверенные знания автором русского языка: он допускает совсем немного не только орфографических, но и стилистических ошибок и огрехов» [3, л. 14].

Заслуживает внимания и тот факт, что в следующем году темой курсовой работы Керим избрал для себя стих раннего Маяковского. Выбор удивляет тем, что пролетарский поэт никогда не числился среди его любимых авторов, и в своих творческих исканиях он на него не ориентировался, хотя нужно признать наличие некоторых переключек лирического героя Мхце с героем Маяковского [7, с. 15]. Значит, Керима что-то в нем все же привлекало, чем-то Маяковский ему был дорог и интересен.

Работу проверил доцент Бирюков, и 26 декабря 1973 г. им был выставлен зачет. Отзыв его, правда, оказался довольно сухим и лаконичным: «К теме подходит правильно. В работе много материала. Излагает логично. Умеет рассуждать, доказывать свои положения» [3, л. 19].

Отметим и следующие вехи в студенческой жизни Мхце:

с 20 по 23 ноября 1972 г. проходил производственную практику в г. Тула, где вместе с другими сокурсниками принимал участие в литературных встречах с трудящимися предприятий и жителями города [3, л. 11];

немногим ранее он вместе со студентом С.А. Луцким побывал в Германской демократической республике в составе делегации Литинститута [3, л. 12]. Возглавлял группу Юрий Бондарев, автор известных романов «Горячий снег» и «Берег»;

с 5 апреля по 30 июня 1974 г. прошел преддипломную учебно-производственную практику в отделе культуры абазинской газеты «Коммунизм алашара» («Свет коммунизма») [3, л. 21];

13 марта 1975 г. под руководством доцента А.А. Михайлова выполнил и с оценкой «отлично» защитил дипломную работу по творчеству на тему «Когда проснутся белые акации» [3, л. 46];

3 июня того же года сдал государственный экзамен по марксистско-ленинской философии с оценкой «хорошо», а через неделю – второй госэкзамен по русской и советской литературе (тоже на «хорошо») [3, л. 45];

и уже 20 июня вышел приказ по Литературному институту, подводивший итог пятилетнему сроку обучения: «Считать окончившими Литературный институт им. А.М. Горького СП СССР с присвоением квалификации «литературный работник» и выдачей обычных дипломов следующих студентов:

21. Мхце Абдул-Керима Леонидовича» [3, л. 32].

За годы обучения в Литинституте Керим изучал историю СССР, новую и новейшую историю зарубежных стран, историю КПСС, политэкономия, основы научного коммунизма. Была пройдена вся зарубежная литература, начиная с античной и заканчивая современной, вся русская литература от фольклора и древнерусской до второй половины 20 века. Важное значение имели теоретические курсы: введение в литературоведение, теория и практика стихосложения, драмы, художественной прозы и перевода. В программе свое прочное место занимали языковедческие курсы: история русского литературного языка, введение в языкознание, современный русский язык, практическая стилистика, теория и практика редактирования. Большую роль в расширении культурного кругозора играли также дисциплины по основам музыкального, изобразительного, театрального искусств, кинодраматургии и киноискусства. Всего было освоено 45 дисциплин, из них только 4 были сданы на «удовлетворительно», 2 из них – языковедческого направления. Судя по приложению к диплому, Мхце получил зачеты по 21 предмету, спецкурсу и семинару, 11 «хороших», и 9 «отличных» оценок [3, л. 26]. Помимо того, им были сданы государственные экзамены по марксистско-ленинской философии, русской и советской литературе, защищена дипломная работа по творчеству.

На вопрос о значении института в его судьбе поэт ответил буквально следующее: «Мой интеллект и общий уровень культуры до поступления в Литературный институт, можно сказать, были равны нулю. Когда я окончил, может быть, не столь глубоко, но, тем не менее, какое-то представление о мировой культуре у меня сложилось. Для пишущего человека это имеет огромное значение. Если я абазинский писатель, это никак не означает, что я должен ограничиваться традициями только своей литературы, что я не должен иметь иных культурных корней, иных ориентиров. Так я ничего не создам, и

литература наша и шага не ступит вперед, если все мы начнем придерживаться такого мнения. В этом отношении трудно переоценить то, что дал мне Литературный институт: это бездонный кладезь» [6, с. 82].

* * *

Микаэль Чикатуев, Мира Тлябичева, Керим Мхце были первыми из абазин, получившими профессиональное образование в Литературном институте. Немного позже этот же вуз окончила Фатима Апсова (1976). В 1960-70-е годы двухгодичные Высшие литературные курсы при этом же институте прошли Кали Джегутанов, Пасарби Цеков, Бемурза Тхайцухов, Джемудалин Лагучев. Таким образом, в достижения абазинской национальной литературы второй половины XX века Литературный институт имени М. Горького внес неоценимый вклад.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное и учебное дело. Чикатуев Михаил Хаджиевич. 511 ук. о/отд. 58 л.
2. Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное и учебное дело. Тлябичева Мира Сахат-Гериевна. 742 ук. о/отд. 45 л.
3. Архив Литературного института им. А.М. Горького. Личное дело. Керим Леонидович Мхце. 49 л.
4. Запись беседы с поэтом М.Х. Чикатуевым 12.01.1993 г. – Архив П.К. Чекалова.
5. Литературный институт имени А.М. Горького // Википедия – Wikipedia – общедоступная многоязычная универсальная интернет-энциклопедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Литературный институт имени А. М. Горького](https://ru.wikipedia.org/wiki/Литературный_институт_имени_А._М._Горького) (дата обращения: 27.07.2017).
6. Чекалов П.К. «Сюда пришел я, чтобы здесь остаться...». Страницы творческой биографии К.Л. Мхце. – М.: У Никитских ворот, 2017. – 376 с.
7. Чекалов П.К. Маяковский и абазинская поэзия. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 1991. – 18 с.
8. Чикатуев М. Творческая автобиография // Чикатуев М. Поющее сердце. – Москва, 2010. – 496 с.

УДК 821.352.1.09

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-155-172

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ В СУДЬБАХ АБАЗИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: МИКАЭЛЬ ЧИКАТУЕВ, МИРА ТЛЯБИЧЕВА, КЕРИМ МХЦЕ

П.К. ЧЕКАЛОВ

*Ставропольский краевой институт развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования
355007, г. Ставрополь, ул. Трунова, 71
E-mail: chekalov58@rambler.ru*

Аннотация. На основе архивных материалов, автобиографий, воспоминаний восстанавливается история поступления и обучения в Литературном институте имени М. Горького трех абазинских поэтов: Микаэля Чикатуева, Миры Тлябичевой, Керима Мхце. Исследованию, в первую очередь, подвергаются личные и учебные дела студентов, содержащие рекомендательные письма и характеристики, экзаменационные листы с датами вступительных экзаменов и оценками, зачетные книжки и учебные карточки с результатами зачетных и экзаменационных испытаний, выпускных государственных экзаменов, дипломных работ с указанием тем, дат, баллов; выписки из приказов о приеме, переводе с курса на курс, прохождении производственных практик, окончании института. Систематизация, анализ и описание архивных материалов позволили вскрыть и воспроизвести многие неизвестные ранее биографические детали студенческой поры, образовательный и профессиональный уровень людей, сыгравших важную роль в истории развития абазинской национальной литературы во второй половине XX века.

Ключевые слова: литературный институт; абазинская литература; XX век; Чикатуев; Тлябичева; Мхце; биография; профессиональное становление.

**THE INSTITUTE OF LITERATURE
IN THE DESTINIES OF THE ABAZA WRITERS:
MIKAEL CHIKATUEV, MIRA TLABICHEVA, KERIM MHTSE**

P.K. CHEKALOV

*Stavropol Regional Institute of Education Development, Professional Development and
Retraining of Educators
355007, Stavropol, Trunov street, 71
E-mail: chekalov58@rambler.ru*

Abstract. On the basis of archival materials, autobiographies, memories history of admission and training at the Institute of Literature named after M. Gorky three of Abaza poets: Mikael Chikatuev, Mira Tlabicheva, Kerim Mhtse is restored. The study, in the first place, is based on the personal and academic student files containing letters of recommendation and features of exam sheets with the dates of entrance examinations and exam points, record books and educational cards with the results of the test and exams, graduation state exams, diploma works with the topics, dates, points; extracts from orders on admission, transfer from course to course, the passage of practical training, graduation. Systematization, analysis and description of archival materials allowed to reveal and to reproduce many previously unknown biographical details of their student times, educational and professional level of people that played an important role in the history of Abaza national literature in the second half of the twentieth century.

Key words: Institute of Literature; Abaza literature; XXth century; Chikatuev; Tlabicheva; Mhtse; biography; professional training.